

COUNCIL *on*
FOREIGN
RELATIONS

ДОКУМЕНТ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

Соперничество великих держав в Восточной Азии

Эван С. Медейрос
Апрель 2021 г.

Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations, CFR) — это независимая внепартийная членская организация, аналитический центр и издатель, призванный служить ресурсом для своих участников, государственных должностных лиц, руководителей предприятий, журналистов, преподавателей и студентов, общественных и религиозных деятелей и других заинтересованных граждан, который поможет лучше понять мир и выбор внешней политики, стоящий перед США и другими странами. Основанный в 1921 году, CFR выполняет свою миссию, поддерживая разноплановый состав участников, в том числе специальные программы по поощрению интереса и совершенствованию опыта следующего поколения внешнеполитических лидеров; созывая встречи в штаб-квартире в Нью-Йорке, Вашингтоне (округ Колумбия) и других городах, на которых высокопоставленные правительственные чиновники, члены Конгресса, мировые лидеры и известные идеологи обсуждают с участниками CFR основные международные проблемы и ищут пути их решения; поддерживая программы исследований, которые способствуют независимым исследованиям и позволяют научным сотрудникам CFR издавать статьи, отчеты и книги, проводить круглые столы по вопросам внешней политики и разрабатывать рекомендации по политике; публикуя *Foreign Affairs*, ведущий журнал, посвященный теме международных отношений и внешней политики США; финансируя независимые рабочие группы, которые готовят отчеты, содержащие выводы и политические рекомендации по важнейшим темам внешней политики; предоставляя актуальную информацию и аналитические материалы о мировых событиях и американской внешней политике на своем веб-сайте CFR.org.

Совет по международным отношениям не занимает институциональной позиции по вопросам политики и не связан с правительством США. За мнения, выраженные в публикациях и на веб-сайте Совета, несут полную ответственность соответствующие авторы.

Для получения дополнительной информации о CFR и данном документе пишите в Совет по международным отношениям по адресу 58 East 68th Street, New York, NY 10065 или звоните в отдел коммуникаций по тел. 212-434-9888. Посетите веб-сайт CFR по адресу CFR.org.

© Council on Foreign Relations®, Inc, 2021. Все права защищены.

Без прямого письменного разрешения Совета по международным отношениям запрещено полностью или частично воспроизводить этот документ в любой форме, за исключением случаев, разрешенных разделами 107 и 108 Закона США об авторском праве (Раздел 17 Свода законов США, параграфы 107 и 108), и выдержек рецензентами для государственных печатных изданий.

Этот документ для обсуждения создан на средства гранта Корпорации Карнеги в Нью-Йорке. Ответственность за сделанные заявления и высказанные мнения лежит исключительно на авторе.

Введение

С приходом администрации Джо Байдена и эволюцией — раз за разом — главной стратегии США под руководством нового президента, возникает знакомый вопрос: после Дональда Трампа, какая идея (или набор идей) будет стимулировать политику национальной безопасности? Администрация Трампа заменила «глобальную войну против терроризма» на «конкуренция великих держав» в качестве организационного принципа политики национальной безопасности США и сформулировала отношения между США и Китаем как «стратегическую конкуренцию».¹ Пекин предположил такую центральную позицию, потому что Трамп в значительной степени умалил угрозы из Москвы и потому что внешняя деятельность Пекина и использование принуждения росли по объему и частоте. Первые заявления и действия администрации Байдена указывают так то, что она приняла рамки стратегической конкуренции с Китаем — «чрезвычайную конкуренцию» по словам президента Байдена, но что выражения политики в рамках этой структуры будут существенно отличаться от его предшественников.

Траектория стратегии и политики США в отношении Китая, пожалуй, является наиболее существенным вопросом для геополитики Восточной Азии в ближайшие десятилетия. Этот регион, больше, чем любой другой, не только является центральным местом для соперничества между США и Китаем, но и будет получателем результирующей динамики. Таким образом, отношения между США и Китаем будут иметь определяющее влияние на распределение власти в Восточной Азии в то время, когда регион становится центром глобальной политики, как это было в Европе во время холодной войны. Стало общим местом, что никто в Азии не хочет выбирать между Вашингтоном и Пекином, и никто не хочет, чтобы Пекин доминировал. Геополитическая реальность Азии будет пространством между этими взглядами. Тем не менее, давние вопросы региона о приверженности и возможностях Америки будут запугивать выбор азиатских политиков, как и прогнозы роста и влияния Китая. В этом контексте форма и контур конкурентной динамики станут все более центральными факторами для обеспечения безопасности и процветания Восточной Азии.

Таким образом, то, как администрация Байдена фактически будет преследовать такую конкуренцию с Китаем, теперь является главным вопросом для политиков и аналитиков в США, Азии и во всем мире. США и китайское восприятие друг друга укрепляются в то время, когда Китай становится все более конкурентоспособным в различных областях, что усиливает двустороннюю конкуренцию. Основной задачей Соединенных Штатов является сдерживание растущего разнообразия поведения Китая, но не повышение риска катастрофического конфликта, при этом продолжая продвигать экономические интересы США, многие из которых находятся в напряженном положении в связи с прежней проблемой. Советники президента Байдена ранее писали о том, как вести политику конкурентного сосуществования с Китаем, но как достичь такого тонкого баланса остается открытым вопросом.² Лица, ответственные за политику и аналитики, должны уделять больше внимания выявлению и взвешиванию рисков стратегической конкуренции — двусторонней, региональной и глобальной. Затем им нужно будет определить степень риска и типы расходов, которые Соединенные Штаты и их союзники могут и должны принять, для оказания влияния и сдерживания Китая, не вызывая вооруженного конфликта. Другими словами, вопрос конфликта и предотвращение конфликтов становится все более важным для политики Китая и отношений между США и Китаем, поскольку конкуренция становится определяющей основой политики США.

В настоящее время отношения между США и Китаем находятся в невыгодном состоянии из-за ущерба, нанесенного при Трампе, а также накопления различий в интересах и ценностях. Конкуренция между США и Китаем усиливается и диверсифицируется. В частности, предполагается явно идеологическое измерение, которое только усилит недоверие и усилит конкуренцию на основе интересов с обеих сторон. Тот факт, что множество непосредственных вопросов, включая Тайвань и морские споры, могут привести к конфликту, делает ситуацию еще более опасной. Эти проблемы существуют на фоне ускорения гонки вооружений между американскими и китайскими военными на западе Тихого океана и, в частности, в рамках первой островной сети.

Даже если администрация Байдена менее явно придерживается конфронтационного подхода к Китаю, чем администрация Трампа, риски конфликта реальны и растут из-за отсутствия эффективных средств правовой защиты. Вашингтону и Пекину не хватает необходимых инструментов для управления этим усилением конкуренции. Многие из прошлых механизмов деградировали, включая диалоги на высоком уровне,

коммуникации в кризисной ситуации и меры по укреплению доверия. Кроме того, неясно, может ли сотрудничество по общим проблемам, даже если совместная работа станет реальностью, преодолеть напряжение, трение и недоверие, вызванные структурной конкуренцией. Добавьте к этому политизацию отношений между США и Китаем в обеих странах, и в результате вы получите коктейль устойчивой нестабильности и повышенного риска конкуренции, проявляющегося в конфликте.

Эта ситуация загнала отношения между США и Китаем в шаткое положение, которое потребует деликатной дипломатии, чтобы достичь некоторого минимального уровня сосуществования в условиях расхождения интересов. В 2019 году Генри Киссинджер заявил, что отношения США с Китаем находятся «у подножия холодной войны».³ Киссинджер, возможно, сегодня изменил бы это заявление, а именно, сказал бы, что отношения между США и Китаем теперь выходят за пределы предгорий и переходят в более коварную горную местность. По мере того, как американские и китайские политики переходят в такую terra incognita, восстановление существующих инструментов для управления недоверием, снижение рисков несчастных случаев и неправильных расчетов и, как правило, борьба с усилением конкуренции между США и Китаем, будет иметь важное значение. Даже при выполнении этих шагов задача не решается легко, и перспективы успеха ненадежны.

Меняющийся контекст конкуренции крупных держав

Одной из наиболее распространенных и действительно любопытных особенностей дебатов в США об этой новой эре противостоянием великих держав является то, что она рассматривается как последнее проявление повторяющегося и неподвластного времени феномена. Однако было бы ошибкой сделать это заключение. Старший научный сотрудник по политическим вопросам RAND и профессор Джорджтаунского университета Майкл Мазарр утверждают: «Наступающая эпоха не соответствует образцам прошлого. При рассмотрении этой ситуации риски несут в себе ненадлежащее понимание характера современных угроз, а также источника сравнительных преимуществ Соединенных Штатов».⁴

Текущий глобальный контекст для конкуренции великих держав отличается от предыдущих эпох несколькими важными способами, которые усиливают преимущества Соединенных Штатов.⁵ Современный глобальный порядок не является исключительно многополярным, что позволило бы в конкуренции крупных держав достичь полного преимущества. Как отмечает Мазарр, «Сегодня мир отражает сложную смесь униполярных, биполярных и многополярных элементов, которые не соответствуют классическому видению противоречивого набора примерно эквивалентных великих сил». Более того, текущий порядок не является миром «чистого листа» образца 1945 года, в котором необходимо было перестроить систему с нуля. Скорее, конкуренция между крупными державами развивается в контексте разнообразия общепризнанных правил, норм и учреждений.⁶ Это опосредует конкуренцию, влияя как на ее объем, так и на интенсивность.

Кроме того, в отличие от прошлых эпох, амбиции и разочарования крупных держав развиваются под тенью ядерной революции, в условиях сложной экономической взаимозависимости и относительной распространенности демократии. В этом контексте конкуренция крупных держав проявляется в меньшей степени как поведение, такое как территориальные завоевания и война за мощную власть, а также как усиление политического, экономического, военного, дипломатического и культурного влияния и часто принуждающее применение такого влияния для получения геополитической выгоды.⁷ Этот контекст ставит перед Соединенными Штатами и их союзниками другую и более сложную задачу, чем просто сдерживание прямой агрессии. Эта реальность непосредственно связана с проблемами, стоящими перед Китаем сегодня.

ДВУСТОРОННИЙ КОНТЕКСТ

Изменение характера отношений между США и Китаем так же важно, как и изменение глобального контекста для понимания рисков двусторонней конкуренции и конфликтов в ближайшие годы.⁸ Хотя тон и некоторые приоритеты взаимодействия между США и Китаем изменятся в будущем под влиянием президента Байдена, отношения будут отмечены устойчивой напряженностью, периодическими кризисами и, возможно, нерегулярным сотрудничеством.

Элиты как в США, так и в Китае успешно приняли новую парадигму для размышлений о связях между США и Китаем. Обе стороны перешли от парадигмы «уравновешивания сотрудничества и конкуренции» к «уравновешиванию конкуренции и конфронтации». Этот сдвиг мышления, часто подразумеваемый, отражает расширение, интенсификацию и диверсификацию зон конкуренции между США и Китаем, а также растущий скептицизм возможностей и преимуществ сотрудничества.

Новая внутренняя политика в обеих странах движет этим изменением парадигмы. В США большинство элит и публика теперь рассматривают Китай как долгосрочную угрозу. Члены Конгресса, представляющие обе части политического спектра, поддерживают более конфронтационный подход, при этом многие законодатели вооружают китайскую политику для политической выгоды. Американское деловое сообщество в целом расстроено Китаем и не желает публично защищать его, как и американские СМИ и многие общественные группы, которые раньше работали в Китае до того, как президент Си Цзиньпин вытеснил многих из них. В Китае нарастают националистические голоса, критикующие бесчисленное множество аспектов политики США, в основном в связи с появлением едких заявлений китайских дипломатов в связи с явлением, известным как агрессивная антизападная дипломатия. США и Китай вступают в фазу отношений, в которой внутренняя политика будет играть центральную, если не определяющую, роль.

Кроме того, в игру вступает новая динамика. Сейчас Вашингтон и Пекин стремятся к более открытой конкуренции, а иногда и конфронтационной политике. Китай также стал более эффективным, развернув более широкий и разнообразный набор инструментов в условиях конкуренции за власть и влияние. Обе страны демонстрируют большую терпимость к напряженности и трению, при этом некоторые голоса активно стимулируют трение в качестве средства формирования другой стороны. Спад кооперативной повестки дня администрации Трампа подчеркнул эту динамику. С самого начала команда Байдена ясно дала понять, что она рассматривает отношения между США и Китаем как «стратегическую конкуренцию» и глубоко обеспокоена заявлениями и поведением Пекина. Госсекретарь США Энтони Блинкен заявил, что Китай совершает геноцид в Синьцзяне, а советник по национальной безопасности США Джейк Салливан назвал Китай «экспортером авторитаризма». Тем не менее, команда Байдена заявила о поддержке сотрудничества с Китаем и возобновлении какого-либо двустороннего диалога, в отличие от ее предшественника.

ПОНИМАНИЕ СОСТОЯНИЯ КОНКУРЕНЦИИ КРУПНЫХ ДЕРЖАВ В АЗИИ

Конкуренция между США и Китаем связана как с властью, так и с идеями. Пять основных движущих сил лежат в центре соревнований США и Китая в Азии, и за последние годы они диверсифицировались и усилились. Этот набор восприятий и интересов привел обе страны к тому, что другие страны видели заявления и действия как необычные для себя, сейчас и в будущем.

Конкуренция в Азии

США и Китай имеют противоречивые и, по некоторым показателям, конкурирующие видения для Азии. Эти видения имеют тенденцию к высокой степени несовместимости по мере того, как каждая сторона воспринимает другую сторону более жестко, и по мере расширения и улучшения возможностей в поддержку этих различных видений.

Стратегия США в Азии, по сути, направлена на сохранение свободы действий и неограниченного доступа к региону в поддержку многочисленных интересов: для защиты безопасности США и безопасности союзников США, для поддержания доступа к рынкам, капиталу и технологиям Азии, а также для продвижения принципов и ценностей США, которые многие американские законодатели считают необходимыми для прежних целей. Предотвращение прихода к власти регионального гегемона — конкретное проявление этой более широкой цели США в Азии.⁹ Действительно, американские ученые и аналитики постоянно обсуждают цели Китая в Азии, например, стремится ли Китай исключить США из региона.¹⁰

Видение Си Цзиньпина в Азии сложно распознать с высокой точностью и оно является предметом постоянных дискуссий в США, а также некоторых в Китае. Разрывы между словами и поведением Китая заметны.¹¹ Однако китайские ученые стали более откровенно относиться к амбициям Си. Профессор Ву Синбо из Университета Фудан пишет: «Китай не представляет существенную угрозу для Соединенных Штатов, но угрожает разбавить американскую гегемонию, разделить свою глобальную роль лидера и продемонстрировать альтернативу своей модели развития и управления».¹² Си и китайские чиновники сосредоточены на расширении и использовании их экономического, дипломатического и военного влияния для защиты своих «основных интересов». Китай стремится создать, как минимум, среду, в которой он имеет эффективное вето на страны, которые предпринимают действия, которые он считает идентичными своим интересам, и, в максимальной степени, регион, в котором влияние США постепенно, но существенно ограничено.¹³ В последние годы цели Китая проявились в таких действиях, как Китайская военная и полувоенная угроза в Восточном и Южно-Китайском море и расширение его военной деятельности вокруг Тайваня в прошлом году. Особое внимание уделяется растущему использованию в Китае экономического принуждения для защиты своих морских претензий и наказания за нежелательные дипломатические и военные движения, например, с Южной Кореей за ракетную оборону и с Австралией за призыв к внутреннему расследованию происхождения COVID-19.

Конкуренция в области безопасности

Конкуренция в области безопасности между США и Китаем расширяется и усиливается по своей природе по двум направлениям. Во-первых, народно-освободительная армия (НОА) за последние десять лет сделала значительные шаги в приобретении и развертывании возможностей, которые поддерживают ее стратегию защиты от отказов в доступе/обороне зоны, которая стремится препятствовать способности американских военных развертывать и поддерживать воздушные и морские войска в пределах тысячи километров от китайского побережья. В результате, затраты и риски для военнослужащих США, работающих на Тайване и вокруг него, а также в рамках первой островной сети в западном Тихоокеанском регионе (начинается на северных Курильских островах и распространяется на острова Рюки и Тайвань вплоть до северных Филиппин и Борнео) являются существенными и растущими. Военнослужащие США больше не могут быть уверены в своем преобладании в конфликте на Тайване с учетом разнообразия возможностей, которые НОА может привести в борьбу.¹⁴ Развитие гиперзвуковых ракет и улучшение космических и кибервозможностей еще больше повысит риски и расходы для военных США, работающих в пределах тысячи километров от побережья Китая.

Во-вторых, использование Китаем своей береговой охраны и морской милиции в Азии для проведения принудительных действий ниже порога агрессии или насилия вызывает раздражение у политиков США.¹⁵ Соединенным Штатам не хватает эквивалентной способности пропорционально реагировать на дальнейшие акты принуждения Китая, не вызывая эскалации. Китай смог использовать такие операции в «серой зоне» для продвижения своих морских претензий, таких как оспаривание управления Японией островами Сенкаку/Дяою или подрывание способности Вьетнама проводить разведку углеводородов в своей исключительной экономической зоне (ИЭЗ), при невнимании с стороны США. Такое поведение только усилило обеспокоенность США по поводу целей и возможностей Китая в Азии, усилив поиски способов сопротивления и, в конечном итоге, сдерживания китайского принуждения и агрессии.

Экономическая динамика

Соединенные Штаты озабочены экономическими политиками Китая, но они могут быть по сути сведены к различию идей об относительном приоритете рынка по сравнению с государством в экономическом управлении, как в Китае, так и в отношении его действий за рубежом. США чаще всего выражают озабоченность неравномерным игровым полем для американских компаний в Китае и все чаще для китайских компаний в Азии и во всем мире.¹⁶ Политики США, лидеры бизнеса и аналитики указывают на ряд китайских политик, которые дают китайским компаниям приоритет перед иностранными (в том числе при конкуренции за пределами Китая): промышленная политика и массивные субсидии государственным и частным компаниям, различные нетарифные барьеры, отсутствие защиты интеллектуальной собственности, принудительная передача технологий, слабая правовая и нормативная прозрачность и постоянный экономический шпионаж. Поскольку экономика Китая выросла по размерам и значимости для Соединенных Штатов, а отношения в области торговли товарами стали менее взаимодополняющими и более конкурентоспособными, нетерпимость США к этим неравенствам в отношениях также выросла. В остальной части Азии обеспокоенность США по поводу экономического поведения Китая распространяется не только на рыночную конкуренцию, но и на использование Китаем экономического принуждения в политических целях, а также на использование организациями и учреждениями для создания двусторонних зависимостей, которые он также может использовать в дипломатических целях.

Технологии

Четвертая область конкуренции между США и Китаем — это технологии.¹⁷ Лица, ответственные за политику и бизнес-лидеры в обеих странах, считают себя заблокированными в постоянной борьбе за доминирование в фундаментальных технологиях, критически важных для будущих инноваций, производительности и национальной безопасности. Соединенные Штаты сосредоточены на таких вопросах, как конкуренция с Китаем, чтобы доминировать в важнейших и развивающихся технологиях будущего, особенно учитывая масштабное субсидирование Пекином его технического сектора; незаконные китайские усилия, направленные на то, чтобы получить преимущество в этом соревновании, посредством регулярного или кибершпионажа; уязвимости США в чрезмерной зависимости от китайской науки и технологии; в частности,

связанные с цепочками поставок производства; и использование Китая в политических целях, например, мониторинг и подавление несогласия дома и помощь самовластным правителям в других странах.

Управление и идеология

Финальная арена конкуренции США и Китая в Азии и даже во всем мире касается концепций управления и, в основном, ценностей и идеологии. В основе отношений американские и китайские лидеры имеют совершенно разные взгляды на внутреннее и международное управление. Амбициозные цели Си — быть лидером в «реформе глобального управления» и для Коммунистической партии Китая (КПК) — руководить политическим, экономическим и социальным управлением внутри страны — являются источником восприятия в США конкуренции идей и ценностей. Си стремится сделать больше, чтобы переосмыслить роль Китая в мире и системе государств-участников, чем, возможно, любой бывший лидер реформ, и он делает это быстро и эффективно. Большая часть западного мира, особенно Соединенные Штаты и европейский союз, обращает на это внимание. Поворот Си к усилению контроля со стороны КПК в домашних условиях в сочетании с активными усилиями по легитимизации, если не продвигать, этих убеждений на международном уровне открыл более конкурентоспособную главу в дебатах между США и Китаем о демократии и рынках. Конкуренция идей разыгрывалась различными способами в Азии, включая продолжающиеся репрессии Китая в Гонконге и Синьцзяне.¹⁸ Обсуждение и дебаты США о идеологической конкуренции еще больше укрепляют чувство долгосрочного двустороннего соперничества.

Риски конфликта в Восточной Азии

По мере развития конкурентной динамики один из самых больших рисков заключается в том, что конкуренция, если ее не контролировать, может вызвать прямую военную конфронтацию. Этот риск уже реальный, и вероятность возрастает из-за усиления и диверсификации конкуренции между США и Китаем. Недоверие к намерениям друг друга и неуверенность в действиях друг друга возрастают в этой эре стратегической конкуренции. К этому следует добавить тот факт, что у Китая большие масштабы присутствия и больше возможностей, что дает ему больше поводов, площадок и инструментов, с помощью которых можно бросить вызов множеству интересов США, часто одновременно. В некоторых областях политики США не всегда успешно пытаются эффективно реагировать, увеличивая риск того, что конкуренция может привести к конфликту.

В настоящее время как минимум четыре текущих точки вспышки могут привести к вооруженному конфликту между США и Китаем: Тайвань, Корейский полуостров, Восточно-Китайское море и Южно-Китайское море. Перспективу фактической вооруженной конфронтации можно измерить в каждой ситуации, изучив три переменные: интересы, возможности, сценарии или пути к военному конфликту (например, преднамеренный, случайный или неправильный расчет). Прежде чем оценивать конкретные сценарии конфликта между США и Китаем, полезно сделать шаг назад, чтобы оценить стимулы и антистимулы, влияющие на политиков Китая и США в отношении рисков конфликта.

ФАКТОРЫ РИСКА

На расчет китайских политиков в отношении военных действий в ближайшие годы будут влиять пять общих факторов.¹⁹ Во-первых и, что наиболее очевидно, последовательные китайские лидеры определили защиту суверенитета и территориальной целостности как «основную заинтересованность», над которой стоит бороться, при этом Тайвань занимает первое место в списке. Си привержен этой структуре с более настойчивой тактикой продвижения морских территориальных претензий Китая. Многие усилия военной модернизации были сформулированы с точки зрения содействия миссии по защите суверенитета. В то же время, Китай, по-видимому, имеет неявную иерархию интересов суверенитета, с Гонконгом, Тайванем, Тибетом и Синьцзяном на вершине, за которым следуют Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря. Что касается Южно-Китайского моря, жесткие китайские претензии на Парасельские острова сопровождаются более неоднозначными претензиями на другие острова в регионе. В Восточно-Китайском море Китай стремится подорвать администрацию Японии на островах Сенкаку/Дяою, а не забрать их.

Вторым фактором, влияющим на расчеты Китая, является временные рамки. В течение следующих двух-трех лет Китай проводит несколько важных мероприятий, успех которых имеет решающее значение для долгосрочных политических событий и национальных амбиций Си. К ним относятся столетний юбилей основания КПК в июле 2021 года, Зимние Олимпийские игры 2022 года и двадцатый Национальный конгресс КПК осенью 2022 года (где Си будет стремиться баллотироваться на третий срок). Несмотря на то, что некоторые могут утверждать, что Си должен проецировать свою силу на внутреннюю аудиторию и, таким образом, может занять еще более жесткую позицию за рубежом, в балансе эти мероприятия являются более сдерживающим фактором для конфликта. Конфронтация между США и Китаем отвлекает Си на подготовку к этим мероприятиям, может подвергнуть его внутренней критике и может поставить эти мероприятия под угрозу срыва, особенно Олимпийские игры. Исторически сложилось так, что китайские лидеры реагировали на внутренние проблемы, снижая внешние риски, а не увеличивая их.²⁰

В-третьих, любое крупное китайское применение силы в регионе и конфликт с Соединенными Штатами, вероятно, обеспечит конфронтацию в отношениях между США и Китаем по крайней мере на протяжении нескольких десятилетий и может консолидировать формирование региональной коалиции, ориентированной на противодействие Китаю. Си стремится избежать этого в критически важное время для его внутренней программы. В-четвертых, Китай не обязательно должен использовать откровенную военную агрессию — и рисковать конфронтацией между США и Китаем — для достижения своих целей, поскольку инструменты

серых зон, такие как морские операции и экономические принуждения, до сих пор являются эффективными. В-пятых, Китай исторически использовал крупномасштабную силу для предотвращения дальнейшего ухудшения ситуации. В настоящее время китайские лидеры считают, что они пользуются относительно выгодным положением в Азии, и что время на их стороне, учитывая их направление экономического развития, военные возможности и способности их использования.

США, думая о своих долгосрочных интересах в Азии и рисках конфликта в регионе, отражают единообразие в многих предыдущих администрациях президента США, хотя и развиваются в рамках новой команды Байдена. В дополнение к фундаментальной проблеме защиты родины, наиболее важными соображениями США в Азии являются доверие и доступ. Законодатели США будут защищать доверие к своим обязательствам по обеспечению безопасности перед союзниками США. Эта ответственность становится проблематичной в ситуациях, когда точный объем обязательств США является неопределенным, например, на Филиппинах по существующему договору или на Тайване, с которым не было заключено никаких обязательств, основанных на договоре. Аналогичным образом, если противник попытается отказать Соединенным Штатам в доступе к Азии, Соединенные Штаты будут рассматривать возможность использования силы для устранения препятствия. Более того, последовательность в американском мышлении о стратегических интересах в Азии закалена как характером конкуренции между США и Китаем, так и возможностями Китая, которые меняются. Растущая стратегическая конкуренция между США и Китаем окрашивает восприятие политиками США действий Китая и соответствующим образом формирует реакции США. Например, крупное китайское военное принуждение против Тайваня может быстро превратиться от того, что касалось Тайваня в первую битву в рамках более широкого конкурирования США и Китая за доступ и влияние в Восточной Азии, что еще больше увеличивает стимулы США для реагирования на китайские принуждения и агрессию.²¹ Расширение возможностей Китая — экономических, военных и технологических — усилит восприятие американцами угрозы в отношении Китая, что может выдвинуть на первый план новые проблемы или затруднить разрешение существующих разногласий.

ТАЙВАНЬ

Тайваньский вопрос является движущей силой конкуренции между США и Китаем, и риск конфликта только возрастает, хотя и постепенно. В будущем на Тайване интересы США и Китая все чаще сталкиваются друг с другом. Для руководителей КПК объединение с Тайванем является основным интересом и имеет важное значение для законности и долговечности КПК. Китай обладает все более широкими возможностями, которые он использует для оказания давления на Тайвань и попытки сдержать участие США. Китайские опасения в отношении будущего Тайваня растут, отчасти обусловленные недавними и растущими связями между событиями в Гонконге и событиями на Тайване и меняющимся поколением политических лидеров в Тайбэе, которые в настоящее время отклоняют модель Пекина «одна страна, две системы».

Интересы Соединенных Штатов на Тайване разнообразны и развиваются. Политика США уже давно направлена на поддержку стабильности между двумя сторонами пролива и, в конечном итоге, мирного разрешения тайваньского вопроса, поэтому Соединенные Штаты поощряют диалог между двумя сторонами пролива и поддерживают усилия Тайваня по улучшению своих внутренних, экономических и оборонных возможностей. В этом смысле основным интересом США является безопасность Тайваня: обеспечение того, чтобы другая демократия, имеющая давние культурные и исторические связи с Соединенными Штатами, была свободна от принуждения или агрессии в выборе своего будущего. Для многих в Соединенных Штатах такой мирный и непринужденный результат выглядит все более маловероятным, поскольку элиты и общественность Тайваня переходят дальше от модели Китая «одна страна, две системы», а Китай становится более обеспокоенным тенденциями на острове и в отношениях между США и Тайванем.

Для американских политиков характер американских обязательств является строго политическим, что еще больше усложняет расчеты США. Соединенные Штаты не имеют обязательств по правовой безопасности в отношении защиты Тайваня в соответствии с Законом о взаимоотношениях с Тайванем от 1979 г. (TRA), но формулировка TRA по этому вопросу, тем не менее, является надежной. В TRA утверждается, что Соединенные Штаты «поддержат способность Соединенных Штатов противостоять любому обращению к силе или иным формами принуждения, которые могут поставить под угрозу безопасность или социальную или экономическую систему народа Тайваня», а Соединенные Штаты «рассмотрят любые попытки определить будущее Тайваня не мирными средствами... как угрозу для мира в Западно-Тихоокеанском регионе, вызывающую беспокойство по поводу причинения вреда США». Таким образом, крупная китайская агрессия против Тайваня проверит достоверность обязательств США по всей Азии. Многие американские

политики и специалисты по вопросам стратегии утверждают, что если Соединенные Штаты ничего не сделают, чтобы помочь Тайваню в борьбе с китайской агрессией, доверие к американским обязательствам (официальным и неофициальным) будет разрушено. Стратегия Америки в отношении Азии постепенно потерпит неудачу в результате недостаточной уверенности в себе, чтобы противостоять китайской агрессии. По этой и другим причинам недавние данные опроса Центра стратегических и международных исследований указывают на то, что элита и общественное мнение США решительно поддерживают защиту Тайваня перед лицом китайской агрессии.²²

При оценке взаимодействия между интересами США и Китая распространенное ошибочное представление о Китае повышает риск конфликта. Многие китайские чиновники утверждают (как объяснение, так и убеждение), что Пекин заботится о Тайбэе больше чем Вашингтон. Такое китайское восприятие недооценивает степень, в которой проблема Тайваня быстро становится связанной с более широкими интересами США в регионе. Китайские лидеры, по-видимому, не признают, что американские политики и стратеги будут интерпретировать китайскую агрессию против Тайваня не как будущее Тайваня, а как первую битву США и Китая за будущее Азии.

Относительные масштабы военных возможностей США и Китая на Тайване увеличивают риски конфликта и эскалации. С середины 1990-х годов китайская военная модернизация была сосредоточена на подготовке к конфликту из-за Тайваня; явным приоритетом этих усилий является удержание военных активов США под угрозой с целью сдерживания участия США в конфликте. За последние двадцать пять лет китайские военные достижения существенно повысили затраты на деятельность военных сил США вокруг Тайваня, а также поставили вопросы о способности Америки проектировать и поддерживать военное преимущество на всем западном побережье Тихого океана. Это, в свою очередь, вызвало американский ответ, хотя и постепенно и урывками, что подразумевает переосмысление доктрины, возможностей и развертываний США в Азии, чтобы гарантировать, что Соединенные Штаты могут сдерживать китайскую агрессию и доминировать в конфликте над Тайванем и в других странах Азии. Обзор стратегии Министерства обороны Китая в феврале 2021 года является последним проявлением этой стратегии и может привести к некоторым существенным изменениям в планировании обороны и военной доктрине США.²³ Одним словом, Соединенные Штаты и Китай участвуют в традиционной гонке вооружений на Тайване: поскольку Китай создает свои возможности по борьбе с отставанием от прав доступа/отклонения в зоне, Соединенные Штаты реагируют на изменения в структуре способов, с помощью которых они проецируют и поддерживают военную силу в условиях конкуренции.

Что касается сценариев и путей к конфликту, без серьезной и неожиданной провокации со стороны Тайваня, наиболее вероятным сценарием прямой военной конфронтации между США и Китаем является реакция на преднамеренную китайскую агрессию против Тайваня. Эта агрессия не должна быть попыткой полного вторжения в Тайвань или даже крупным действием, таким как блокада. Пекин знает, что мобилизация и выполнение такой операции являются рискованными и сложными, и предлагает Вашингтону и его союзникам множество возможностей для ее нарушения. Скорее, более вероятный набор сценариев включает в себя китайское военное и экономическое принуждение (разным образом и с разной интенсивностью, в зависимости от провоцирующих условий), чтобы дать людям на Тайване ощущение неизбежной унификации с материком на условиях Китая. Чем быстрее Пекин может сделать это, тем лучше, чтобы предотвратить участие Вашингтона.

Провоцирующие факторы таких китайских действий многочисленны и их трудно определить. При отсутствии четкой и конкретной провокации, общие факторы, побуждающие к китайским действиям, вероятно, включают в себя беспокойство о том, что Тайвань существенно отклоняется от этого, или от своего мнения о том, что Соединенные Штаты стремятся существенно расширить свои связи с Тайванем. Любой сценарий, скорее всего, будет результатом совокупных действий, а не какого-либо отдельного действия Тайваня или Соединенных Штатов.

В ответ на это Китай мог бы повторить кризисы 1995 и 1996 гг., в которых он провел основные учения, включая запуск ракет малой дальности в воды вокруг Тайваня, но с гораздо более эффективной НОАК, которая блокирует все воздушные и морские перемещения на Тайване и вокруг него на несколько дней. Эта агрессия может включать кибер-операции против Тайваня, которые отключают Интернет или иным образом нарушают повседневную жизнь жителей Тайваня. В качестве сигнала Тайваню о его уязвимости материковый Китай может захватить некоторые офшорные острова, такие как острова Дунша или другие внешние острова Тайваня, такие как Матсу, Кинмен и Пэнху, чтобы подчеркнуть срочность достижения согласованного решения с материком.

Соединенные Штаты, скорее всего, отреагируют путем развертывания войск в регионе в знак поддержки и в подготовке к будущим действиям, но, насколько близки эти силы будут к Тайваню, будет представлять

собой тему значительных дискуссий. Возможное участие американских войск в Японии и Южной Корее также будет предметом многих дискуссий. С этого момента конкретные пути к военному конфликту являются бесчисленными. Конфликт может включать преднамеренные действия, стратегический просчет или инцидент. Соединенные Штаты могут попытаться сорвать военные операции Китая, спровоцировав конфликт. Соединенные Штаты также могли бы попытаться снабжать Тайвань, подобно Берлинскому кризису 1948 года, провоцируя эскалацию китайского кризиса. Или инцидент между американскими и китайскими войсками, работающими по Тайваню, может привести к эскалации ситуации.

КОРЕЯ

Риски конфронтации между США и Китаем на Корейском полуострове существенно отличаются от рисков, связанных с интересами и проявлениями на Тайване. Интересы США и Китая на Корейском полуострове существенно не расходятся, но они также не согласуются друг с другом (даже если чиновники с обеих сторон больше сосредотачиваются на таком согласовании); эта ситуация открывает дверь к конфронтации. Соединенные Штаты стремятся защитить своего союзника по договору Южную Корею от принуждения и агрессии со стороны внешних сил, главным образом, Северной Кореи. Соединенные Штаты также привержены денуклеаризации Корейского полуострова, не только в поддержку принципа нераспространения, но и потому, что возможности Северной Кореи угрожают союзникам США в Азии (а именно, Японии и Южной Корее), а также национальной безопасности США. Насколько точно Пекин оценивает серьезность угроз США, остается неясным.

Пекин давно считал, что корейский полуостров является источником уязвимости для материковой части Китая, учитывая его географическую близость и историческое влияние Китая. Некоторые китайские аналитики считают, что Корея находится в сфере влияния Китая. Эти убеждения мотивируют желание Китая контролировать события на полуострове, в том числе ограничивая не только Северную Корею, но и вовлеченность и влияние США. Китай давно возражал против присутствия войск США в Южной Корее и альянса в более широком смысле. Китай не любит ядерное оружие и баллистические ракеты Северной Кореи, а также связанные с ними испытания, но еще больше не любит расширенное влияние США на Корейский полуостров.

Уравнение возможностей на Корейском полуострове интересно, если рассматривать его в контексте различных восприятий и интересов США и Китая. США разворачивают войска численностью около 28 500 человек в Южной Корее, и эти силы обучаются и работают в тесном сотрудничестве с южнокорейскими войсками, насчитывающими 600 000 солдат. Военнослужащие США также располагают дополнительными войсками численностью около пятидесяти тысяч в близлежащей Японии, включая сочетание наземных, воздушных и морских сил. В кризисной ситуации на Корейском полуострове Соединенные Штаты готовы действовать быстро и с разнообразием возможностей. Новое командование Северного театра Китая, охватывающее всю северо-восточную территорию, включая всю границу с Северной Кореей, представляет собой комбинацию трех крупных групп армий, а также существенных возможностей военно-морских и воздушных сил. Многие из этих подразделений прошли обучение различным сценариям в Северной Корее, включая кризис и гуманитарный кризис. В администрации Барака Обамы Пентагон предложил, а Китай отклонил двусторонние военные переговоры об устранении конфликта в операциях США и Китая на Корейском полуострове в случае краха режима. Пекин боялся, что проведение таких бесед может повысить вероятность такого результата, указывая на его поддержку.

На Корейском полуострове пути к конфликту между США и Китаем имеют больший вес за счет неправильного расчета или несчастного случая, чем за счет преднамеренных действий. Эти риски подчеркивают усиление стратегической конкуренции между США и Китаем и взаимной неуверенности в планах другой стороны относительно Корейского полуострова. Наиболее вероятные сценарии включают крах ядерно-активной Северной Кореи, в которой и южнокорейские, и американские силы спешат стабилизировать страну и обеспечить хранение ее ядерного оружия и ракет. Китай, скорее всего, сделает то же самое, чтобы гарантировать, что Южная Корея и Соединенные Штаты не будут контролировать территорию Северной Кореи, не говоря уже о ее ядерном оружии.

В таком сценарии, при отсутствии предварительно согласованных процедур для избежания конфликтов между военными силами, американские и южнокорейские войска могут вступить в контакт с китайскими войсками, которые стремятся обеспечить либо крупные регионы, либо определенные военные объекты. Вдобавок к путанице вероятно присутствие вооруженных северокорейских групп (т. е. бывших северокорейских военных) по всей стране, ищущих ценные товары. Несмотря на то, что такая ситуация не

гарантирует конфронтации, риски военной аварии или неправильного расчета являются существенными, учитывая различные интересы безопасности и путаницу при крахе режима. Возможное участие военно-воздушных или военно-морских сил со стороны любого из этих субъектов только увеличивает эти риски.

ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ

В центре Восточно-Китайского моря находятся японские и китайские претензии на суверенитет островов Сенкаку/Дяою. В защиту своих претензий силы береговой охраны Японии и Китая часто находятся в непосредственной близости друг к другу, а их военно-морские силы находятся на позициях противостояния. Национальные интересы Китая заключаются в защите и продвижении его претензий на суверенитет над островами Сенкаку/Дяою, даже если эти острова не дают непосредственной экономической или военной выгоды Китаю. Для Китая это означает защиту своего «основного интереса» в суверенитете и территориальной целостности и ослабление американо-японского альянса. Непосредственная цель Китая — подорвать эффективное управление островами Японией за счет постоянного присутствия на побережье. Стратегия Китая заключается в создании двойного администрирования. Ни Япония, ни Китай не разместили людей на запасы на каких-либо островах Сенкаку/Дяою.

Интересы США в споре в Восточно-Китайском море опосредованы обязательствами по обеспечению безопасности перед Японией. В отличие от других территориальных споров в Азии, Соединенные Штаты не признают ни китайских, ни японских претензий на острова, но принимают их администрирование Японией. В результате этого признания острова подпадают под действие Статьи V Договора обороны США-Японии, что означает, что Соединенные Штаты обязались защищать Японию в конфликте над ними. Соединенные Штаты опубликовали эту позицию, в том числе в заявлении президента Обамы во время его визита в Японию в апреле 2014 года (первого визита президента США). В качестве выражения этого обязательства Соединенные Штаты пытались сдержать и отреагировать на китайские утверждения относительно островов Сенкаку/Дяою. Эти действия США в защиту Японии начались уже осенью 2012 года.

Восточно-Китайское море может открыть двери для военной конфронтации между США и Китаем, поскольку оно напрямую связано с доверием к обязательствам альянса США, что является глобальным интересом. (Единственный другой морской сценарий, к которому относится этот вопрос достоверности, касается претензий Филиппин на Южно-Китайское море, обсуждаемых ниже.) Во время кризиса в Восточно-Китайском море заинтересованность Соединенных Штатов в защите Японии будет приобретать дополнительную значимость, учитывая усилия Китая в последние годы, направленные на оказание давления на ряд азиатских союзников США. Многие другие в Азии, вероятно, также воспримут готовность США оказать помощь Японии как лакмусовую бумажку американской решимости перед лицом китайской агрессии против союзника.

В то время как и Китай, так и Япония используют свою береговую охрану и возможности военно-морского флота для защиты своих претензий, ВМС США нерегулярно ведет активную деятельность в этом регионе. Япония ежедневно патрулирует зону вокруг островов. Побережье Китая регулярно находится в смежных зонах протяженностью 24 морских мили вокруг островов; кроме того, китайские суда проплывают в территориальных морях протяженностью 12 морских миль вокруг островов на достаточно регулярной и предсказуемой основе, обычно два-три раза в месяц. Количество и размер китайских судов, а также частота и местонахождение вторжений тщательно откалиброваны Китаем и контролируются Японией в качестве индикатора намерений Китая. Стратегия Китая заключается в том, чтобы подорвать эффективное администрирование островов Японией, чтобы создать двойную администрацию.

Учитывая этот контекст, наибольший риск конфронтации между США и Китаем связан с несчастным случаем или неправильным расчетом со стороны Японии или Китая, который привлекает американские войска для оказания помощи Японии. Ни Япония, ни Китай не проявили склонности к намеренной высадке наземных войск на островах, провоцирующей кризис и эскалацию. Случайный сценарий может включать в себя два корабля, ударяющихся друг о друга, вызывая ситуацию, которая затрагивает японские и китайские военно-морские силы, которая затем эскалируется. Понимание точных путей к кризису и от кризиса до эскалации важно, учитывая политическую чувствительность в Пекине и Токио и историческую роль общественного настроения в качестве ускоряющего фактора в китайско-японских кризисах.

В отличие от инцидента, с обеих сторон возможен просчет. Национализация островов японским правительством в 2012 году, инициированная политиком-националистом, стала необычным действием, которое повлекло за собой решение Китая разместить корабли береговой охраны вокруг островов, чтобы добиться двойного управления. Некоторые будущие действия со стороны Японии, такие как национализация

других островов или развертывание на них японского народа или оборудования, могут также вызвать эскалацию ситуации. Также возможен неправильный расчет Пекина, учитывая его историю зондирования и проверки пределов приемлемого поведения. С 2012 г. Китай раздвигает границы своих претензий по-своему, например, воздушные полеты над островами в конце 2012 г. (постараться распространить свои претензии на воздушное пространство над островами), развертывание зоны идентификации авиационной обороны в конце 2013 г. или несколько развертываний морских войск и рыболовных флотов вокруг спорных островов, чтобы оказать давление на Японию. Любая из сторон или обе стороны могут в будущем неправильно принять меры и вызвать кризис, втягивая Соединенные Штаты в эту ситуацию.

ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ

Китай заявляет, что защищает свои претензии на суверенитет в Южно-Китайском море, но намеренно не уточняет масштаб своих претензий. Основанием для расплывчатых заявлений Китая в Южно-Китайском море является так называемая китайская линия девяти пунктов, которая представляет собой линию, нарисованную на китайской карте 1947 года, которая простирается от южного Китая по большей части Южно-Китайского моря. В северной части этой линии девяти пунктов находится цепочка Парасельских островов, на которую также претендуют Тайвань и Вьетнам. Пекин даже не считает, что Парасельские острова могут оспариваться, и разместил на них значительное военное присутствие. Таким образом, Китай рассматривает свои претензии на Парасельские острова как более решительные, чем другие претензии на Южно-Китайском море, например, на цепочку островов Спратли в южной части линии девяти пунктов.

На островах Спратли, являющихся очагом текущих споров, Китай заявляет о своих семи искусственных островах в качестве суверенной территории, но нечетко заявляет о своих претензиях на морскую юрисдикцию в водах вокруг этих искусственных островов. Китай заявил о правах ИЭЗ и «исторических правах» в этих водах, но не разграничил их географический охват. При самом экспансионистском подходе Китай может заявить о таких морских правах по линии девяти пунктов. Международное законодательство не признает неопределенное понятие исторических прав Китая, и постановление Постоянного арбитражного суда от 2016 г. отменяет правовые основания для большинства требований ИЭЗ Китая в отношении нескольких искусственных островов. Далее, усложняя ситуацию, претензии Китая в Южно-Китайском море могут считаться менее важными национальными интересами, чем претензии на суверенитет в Тайване, Тибете, Синьцзяне и Гонконге. Китайские чиновники редко указывают Южно-Китайское море при обсуждении этого комплекса вопросов, но они готовы публично признать, что существует спор по этим островам, в отличие от Парасельских островов. До 2010-х годов вопрос Южно-Китайского моря не был очень важным в планах Пекина. Южно-Китайское море стало более важным для Китая, лишь поскольку истцы Юго-Восточной Азии, а позже Соединенные Штаты оспорили его претензии, предполагая, что такая риторика частично является борьбой за власть и влияние в Азии, а также отражением динамики территориальных споров.

Интересы безопасности США в меньшей мере непосредственно связаны с Южно-Китайским морем, чем с Восточно-Китайским морем (за исключением важного и заметного союзника на Филиппинах). Законодатели США подчеркивают защиту принципов противодействия китайскому поведению в Южно-Китайском море, включая уважение к международному праву, мирное разрешение споров и свободу навигации. Китай скомпрометировал все эти принципы в своей кампании по построению островов и продолжалось преследование истцов за деятельность в зоне линии девяти пунктов Китая. То, что на сегодняшний день Китай не желает определять точный характер своих морских претензий (т. е. то, что он утверждает в рамках девяти пунктов), добавляет к опасениям США относительно грандиозных амбиций Китая в Южно-Китайском море.

С 2010 года эти противоречащие интересы проявлялись в последовательных дипломатических конфронтациях и усилили присутствие США и Китая вокруг оспариваемых островов. Начиная с 2014 года, ВМС США увеличили количество свободных навигационных операций по семи оспариваемым объектам, чтобы продемонстрировать отказ от законной правомерности претензий Китая, заявив, что некоторые объекты не могут быть заявлены как суверенные территории какой-либо страны и, таким образом, не порождают двенадцать морских миль территориального моря. В результате близость военных кораблей США и Китая к Южно-Китайскому морю может привести к конфликту. На сегодняшний день наиболее вероятным сценарием является несчастный случай, который эскалирует: Военные корабли США и Китая, плавающие в Южно-Китайском море, могут врезаться друг в друга, вызывая эскалацию, которая приведет к вовлечению других держав.

Особый, но связанный с этим сценарий неверных расчетов — это сценарий, в котором Китай, полагая, что Соединенные Штаты не будут поддерживать Филиппины по неясным претензиям на скрытые морские объекты, такие как Скарборо Шол или Второй Томас Шол, стремится заставить Филиппины ослабить или отклонить свои претензии. Тем не менее, Вашингтон, в конечном счете, приходит к помощи Манилы благодаря ее обязательствам перед альянсом.²⁴ Эта возможность содержит прецедент. Весной 2016 года Китай готовился к рекультивации земель в Скарборо Шол. Когда Вашингтон узнал об этом, президент Обама успешно заставил Си остановиться, угрожая участием США и ссылаясь на обязательства альянса.²⁵ Отношения между США и Филиппинами были напряженными с тех пор, как президент Филиппин Родриго Дутерте пришел к власти в середине 2016 г., поскольку он стремился укрепить связи с Китаем и вывести Филиппины из под влияния США. Пекин мог подсчитать, что у него есть возможность продвинуть свои претензии рядом с Филиппинами с минимальными отступлениями от Манилы и Вашингтона, учитывая их потрепанные связи. Такое действие может повлечь непосредственное участие США в защите союзника договора, вероятно, выдвинутого филиппинской публикой и военными, которые остаются проамериканцами.

Управление кризисом и конфронтацией в Азии между валиками державами

Соединенные Штаты Америки, своими силами или вместе с союзниками, должны продумать ряд вариантов сдерживания использования Китаем принуждения и вытеснения, при этом предпринимая шаги по снижению рисков конфликта с Китаем таким образом, чтобы защитить интересы США в Азии.

Варианты делятся на две категории: стратегии управления конфликтами и их предотвращения, а также инструменты политики, направленные на снижение рисков. Эти две категории не следует рассматривать как взаимоисключающие; в некоторых стратегиях варианты политики используются чаще, чем в других.

ВАРИАНТЫ СТРАТЕГИИ

Три основных варианта стратегии включают в себя: крупное региональное оборонное наращивание, основанное на логике «мир через силу» и поощрение преимущественной силы США, ограниченное региональное наращивание, которое в большей степени зависит от союзников и региональной дипломатии и инвестирует в меры по снижению рисков с Китаем, или крупное соглашение между Вашингтоном и Пекином о распределении власти в Восточной Азии.

Первый вариант — это современная версия оборонного строительства президента Рональда Рейгана в 1980-х годах в своей стране и в Европе. Наращивание обороны будет основываться на логике сдерживания китайской агрессии за счет явно превосходных возможностей с конкретной целью восстановления военного превосходства США в западном Тихоокеанском регионе. Этот вариант отражает уверенность в том, что сдерживание лучше всего достигается как путем отрицания, так и наказания, хотя и с предпочтением к последнему.²⁶ Таким образом, этот вариант ориентирован на приобретение и объединение военных возможностей, как традиционных, так и ядерных, для угрозы более широкими и серьезными последствиями атаки. Этот вариант также может потребовать от Соединенных Штатов прояснить свои оборонные обязательства, устранив некоторые из существующих неясностей. Эта стратегия потребует значительных и постоянных инвестиций в различные возможности — воздушные, военно-морские, ракетные, космические и кибер-решения — для проектирования и поддержания силы с территории США. Это потребует, чтобы союзники США, такие как Австралия и Япония, стали похожими на крепость в своих собственных оборонных позициях. Риски и затраты, связанные с этим вариантом, такие как обеспечение достаточного количества ресурсов для реализации и обеспечения политически противоречивой поддержки союзников и партнеров, являются существенными. Этот вариант приведет к более конфронтационным отношениям между США и Китаем, что может подорвать поддержку союзников в Азии. Соединенные Штаты рискуют изолировать себя в Азии, если не будут внимательно контролировать ситуацию.

Вариант два сочетает сдерживание и дипломатию для достижения целей предотвращения конфликтов и управления конкуренцией. Это усилило бы сдерживающее действие, несмотря на целенаправленную модернизацию конкретных возможностей в США как внутри страны, так и в Азии. Эти действия позволят использовать все больше и больше новых возможностей, а также будут действовать инновационными способами, чтобы использовать слабые стороны китайских военных. Этот вариант сосредоточен на сдерживании отрицанием, выработке достаточных военных возможностей для защиты интересов США и союзников. Его цель — не региональное военное доминирование, а баланс сил, который сохраняет стабильность, хотя и такой, который поддерживает Соединенные Штаты и их союзников. Это побудило бы союзников инвестировать в свои собственные оборонные возможности в поддержку стратегии США и содействовать совместности между США и другими азиатскими странами. Эта стратегия предусматривает более тесное сотрудничество США с Австралией, Индией, Японией, Вьетнамом и другими странами Азии, частично для распространения возможностей США по всему региону. Этот вариант больше ориентирован на коллективные способности сдерживать Китай, чем на зависимость от Соединенных Штатов и одного или двух союзников. В соответствии с этой стратегией Соединенные Штаты также инвестируют в диалог и практические меры по снижению рисков с Китаем, чтобы помочь справиться с недоверием и умерить конкуренцию, в том числе путем разумного и целенаправленного использования сообщений о заверение в

качестве средства установления границ в поддержку сдерживания. К проблемам, с которыми может столкнуться этот вариант, относятся поиск достаточных ресурсов для модернизации обороны, создание и поддержание взаимосвязанной поддержки того, что может представлять собой рискованное оборонное сотрудничество с Соединенными Штатами, создание и сохранение политической поддержки дома, а также достижение стабильных, рабочих отношений с Китаем в рамках этого строительства.

Третий вариант предполагает принципиально иной подход к предотвращению конфликтов: переговоры о грандиозных сделках по разделению власти между США и Китаем в Азии.²⁷ Распределение власти может принимать различные формы — от официального соглашения до более неявных норм. Наиболее явное соглашение будет включать соглашение, похожее на Потсдам или Ялту, в котором обе стороны делят Азию на четкие географические сферы влияния (например, Соединенные Штаты отказываются от конкуренции в Южно-Китайском море). Менее явное разнообразие предполагает согласие по общему видению Азии, в котором обе стороны отвергают стремление к гегемонии или первенству, но сохраняют ограниченные вооруженные силы в регионе, возможно, в соответствии с соглашениями о контроле над вооружениями. Для того чтобы такое видение имело значение, Соединенные Штаты и Китай должны были согласовать приемлемое поведение в отношении наиболее оспариваемых вопросов, таких как альянсы США, Тайвань, морские споры, а также военные операции США и Китая в западном Тихоокеанском регионе. Еще менее официальное соглашение может очерчивать «правила движения» или нормы поведения в отношении конкурирующих интересов в таких деликатных областях, как Южно-Китайское море или Восточно-Китайское море; например, обе стороны могут согласиться не оспаривать интересы другой стороны, поскольку они в настоящее время настроены в регионе.

Перспективы успеха в любой форме грандиозных сделок невелики. Во-первых, глубина и многообразие интересов конкурирующих США и Китая препятствует как явным сферам, так и общему видению. Например, американские альянсы охватывают весь регион, а Китай не желает принимать постоянную сепарацию Тайваня. Экономические интересы США также охватывают регион и связаны с мировой экономикой, подрывая перспективы согласованных ограничений. Во-вторых, по мере роста экономики Китая его региональное и глобальное присутствие расширяется, а его вооруженные силы имеют больше возможностей проводить операции в масштабах всего региона. В связи с тем, что у Пекина есть сомнения в том, что США решают проблему роста, он, скорее всего, видит больше возможностей для себя в Азии и маловероятно, что он будет сам себя ограничивать. В-третьих, Соединенные Штаты и Китай пытались достичь соглашения по базовому общему видению отношений в 2013–14 гг., и усилия в конечном итоге провалились. Начиная с 2013 года, обе стороны выдвинули идею создания «новой модели отношения между великими державами», которая была основана на идее, что противостояние между установленной властью и восходящей властью не является неизбежным. Это видение сначала должно было проявиться в виде серии двусторонних мер по снижению риска. Соглашение быстро сорвалось по многим причинам: Китай рассматривал его как принятие своих «основных интересов» Соединенными Штатами, Китай начал продавать его в Азии как кондоминиум США и Китая, союзники США стали обеспокоены тем, что оно нарушает обязательства США, а администрация Обамы начала сталкиваться с внутренней критикой и критикой в адрес конгресса.

ВАРИАНТЫ СНИЖЕНИЯ РИСКА

Соединенные Штаты и Китай могли бы принять несколько конкретных политических мер по снижению недоверия, разрешению разногласий, ограниченной конкуренции и средней степени милитаризации оставшейся конкуренции. Эти политики не являются альтернативой вышеуказанным вариантам стратегии, но их следует рассматривать как возможные инструменты для каждого из них, в зависимости от их применения и эффективности. Чтобы быть уверенным в том, что многие инструменты политики по снижению рисков были проверены ранее и предлагают неясные обещания, учитывая структурные ограничения по обеим сторонам отношений. В частности, централизация принятия решений при Си, растущее недоверие к будущим намерениям друг друга, а также расширение военного и военизированного потенциала Китая подрывают стимулы для инвестирования в такие варианты.

Стратегический диалог

Стратегический диалог — это часто поддерживаемый, но редко анализируемый инструмент в отношениях между США и Китаем. Защитники часто ссылаются на расширенные разговоры о глобальном порядке между Генри Киссинджером и Чжоу Эньлаем в 1970-х годах. В идеальной форме стратегический диалог включает

в себя один или несколько каналов связи между ведущими политиками, определяющими национальную безопасность, включая старших офицеров. Эти обсуждения предназначены для того, чтобы сосредоточить внимание на восприятии, интересах, стратегиях и политиках каждой стороны в отношении другой стороны, в Азии и во всем мире. Стратегические диалоги направлены как на снижение недоверия, так и на укрепление доверия в надежде создать политический модус для стабильных отношений.

Тем не менее, послужной список США для таких стратегических диалогов в прошлом был скромным. Эти механизмы имеют множество ограничений: американским чиновникам не хватает высококачественных коллег с аналогичным политическим влиянием, китайские чиновники редко делятся полезной информацией и часто декламируют давно известные моменты, и китайские чиновники использовали такие диалоги, особенно на экономическом фронте, для того, чтобы попытаться выиграть время. Когда такие диалоги способствовали совместным усилиям, они, как правило, включали узкие региональные вопросы, которые напрямую и негативно затрагивали материальные интересы Китая, такие как его инвестиции в нефть; китайское сотрудничество в конце 2000-х годов, чтобы помочь остановить геноцид в регионе Дарфур в Судане, является одним из таких случаев.²⁸ И наоборот, несмотря на сотни часов переговоров между США и Китаем о ядерных программах Северной Кореи и Ирана, сотрудничество было скромным, и существенные разногласия продолжают продолжаться. В результате, в течение сорока лет этих отношений, Пекин, вероятно, использовал такие диалоги больше для управления ожиданиями США, чем для решения двусторонних проблем. Даже с этими ограничениями, эти диалоги могут быть полезными для Вашингтона, чтобы сообщить о своих взглядах, например, о восприятии китайских намерений и стратегий в США, в качестве способа установить границы и ожидания в отношении реакции США на китайские движения, укреплять сдерживание и предотвращение конфликтов. В этом смысле стратегический диалог в контексте США и Китая, в лучшем случае, заключается в управлении недоверием, но вряд ли создаст много доверия, по крайней мере, до тех пор, пока Пекин не инвестирует в него.

Сотрудничество по общим проблемам

Сотрудничество в решении общих проблем безопасности отличается от стратегических диалогов тем, что это не единственная политика, а скорее их совокупность в различных функциональных областях. Такое сотрудничество направлено на умеренную конкуренцию путем укрепления доверия (в отличие от простого снижения недоверия). Теория заключается в том, что совместная работа над общими проблемами помогает уменьшить подозрение, поддерживать линии общения, развивать личные отношения, компенсировать разногласия и снизить общее напряжение, предоставляя обеим сторонам заинтересованность в устойчивых и продуктивных отношениях. Это мышление является основой стратегии США в отношении Китая на протяжении последних сорока лет: противодействие советской власти во время холодной войны, противодействие терроризму после 11 сентября, принятие экономической глобализации в 2000-х годах, поддержание мировой экономики во время глобального финансового кризиса и сотрудничество в связи с изменением климата в 2010-х годах. Несмотря на эти повествования, история отношений за последние сорок лет также была отмечена волатильностью, постоянными различиями и растущими расхождениями по целому ряду экономических вопросов и вопросов безопасности. Даже в некоторых областях предполагаемых общих интересов, таких как нераспространение ядерного оружия, различия сохраняются и ограничивают значимое сотрудничество.

Сегодня возможности двустороннего сотрудничества включают глобальную финансовую стабильность, изменение климата, искоренение пандемии, и нераспространение оружия массового поражения. Неясно, может ли быть достигнуто значимое сотрудничество по любым или всем этим общим проблемам, а затем эффективно использовать его для предотвращения того, чтобы отношения между США и Китаем стали еще более агрессивными. Несмотря на то, что общие интересы могут быть основой для сотрудничества в определенных областях, фундаментальные различия, скорее всего, сохранятся, что ограничит реализацию такого сотрудничества и ограничит стабильность и доверие, которые могут быть достигнуты в результате такого сотрудничества. Таким образом, остается неясным, может ли такое сотрудничество, даже когда оно может быть согласовано, создать жизнеспособную стратегическую основу для отношений, которые компенсируют разнообразие растущих интересов. Поскольку различия между США и Китаем расширяются и углубляются, арены сотрудничества будут с меньшей вероятностью перевешивать недоверие и конкуренцию в центре связей между США и Китаем.

Меры по формированию доверия

Учитывая растущую частоту и близость военных сил США и Китая в Азии, Соединенные Штаты и Китай могут инвестировать в военные меры по укреплению доверия (СВМ). Они могут включать: устранение конфликта вооруженных сил на Корейском полуострове во время северокорейского кризиса, дополнительные правила для руководства контактами между американскими и китайскими военно-воздушными силами и военно-морским флотом, а также уведомления о крупных военных учениях и пр. У двух военных машин уже есть два последних типа соглашений, заключенных в 2014 и 2015 годах. Насколько они были полезными или оперативными, неясно, учитывая продолжающиеся инциденты между военно-морскими силами США и Китая, например, в Южно-Китайском море. Китайские военные регулярно подходят к СВМ с трепетом и непоследовательной приверженностью, что подрывает их ценность.²⁹

Связь в условиях кризиса

Высокоуровневые коммуникации во время кризисов могут помочь предотвратить конфликты или предотвратить их эскалацию после начала. В настоящее время между Белым домом и составом руководства Чжуннаньхуа, а также между руководством Пентагона и НОА работают каналы связи, похожие на горячую линию. Эти коммуникационные ссылки могут быть расширены и включают в себя Объединенный штаб, Индо-Тихоокеанское командование и Китайские силы. Проблема с текущими коммуникационными каналами заключается в том, что они не работали в прошлом. Большинство телефонных звонков между военными чиновниками занимают от сорока восьми до семидесяти двух часов.³⁰ Пекин предпочитает планировать звонки за недели и использовать их в качестве дипломатических сигнальных устройств амбиций или недовольства. В кризисной ситуации планирование, вероятно, будет идти еще медленнее. Высшее политическое руководство Китая, как правило, встречается и вырабатывает план действий, прежде чем взаимодействовать с коллегами из США. В прошлых кризисах, например, когда в 1999 году руководимая США Организация Североатлантического договора (НАТО) случайно разбомбила посольство Китая в Белграде или когда китайский истребитель столкнулся с самолетом военной разведки в США EP3 в международном воздушном пространстве над островом Хайнань в 2001 году, Китай был готов атаковать Соединенные Штаты.³¹ Нежелание Китая использовать коммуникационные каналы основано на политической культуре КПК и высокой степени централизации вокруг Си, что указывает на то, что эти проблемы не будут решены быстро или легко.

Рекомендации

Соединенные Штаты и Китай теперь участвуют в широком спектре стратегических конкурентов: их интересы расходятся больше, чем они сходятся по широкому кругу вопросов. Обе страны нацелены на то, чтобы максимально укрепить свою относительную власть и свободу действий в Азии — в то время, когда регион становится центральным элементом геополитики. Вашингтон и Пекин также придерживаются конкурирующих взглядов на политическое и экономическое управление — как на внутреннем, так и на международном уровне. Китай все больше уверен в своих управленческих решениях, поднимая вопросы о том, способствует ли Китай продвижению альтернативы демократическому капитализму. Китайские политики по-прежнему недовольны многими функциями существующих международных систем и ищут новые и творческие способы формирования правил, норм и учреждений для удовлетворения китайских интересов. Недоверие к текущим и будущим намерениям Китая является существенным и растущим в Соединенных Штатах, поскольку элитные и общественные мнения по этому вопросу сходятся. Политизация китайской политики в Вашингтоне еще больше усилит эти тенденции, укрепив внутреннюю базу для долгосрочного соперничества.

Поскольку эта стратегическая конкуренция усиливается и диверсифицируется, риск вооруженного конфликта растет. Существуют достоверные сценарии для несчастных случаев, неверных расчетов или преднамеренных действий и повышенный риск эскалации в вооруженный конфликт. Обе стороны принимают на себя риски, поскольку они исследуют границы друг друга, мотивируя их как амбициями, так и разочарованием, а также новыми возможностями. К таким рискам, связанным с конфликтом, добавляется подозрение, недоверие и слабая коммуникация, особенно в отношении кризисного управления. Следовательно, необходимо незамедлительно разработать стратегию предотвращения конфликтов между США и Китаем. Она должна учитывать как причины, так и проявления военной конкуренции в области безопасности в Азии, уделяя особое внимание управлению и уменьшению рисков, а не их устранению. Следующие рекомендации относятся к стороне управления рисками в этом уравнении:

- Соединенным Штатам необходимо усилить сдерживание в Восточной Азии, как в общем, так и в частности. Соединенным Штатам следует начать с обновления регионального положения силы с учетом множества способов, с помощью которых НОА угрожает возможностям проецирования мощности в США, особенно в рамках первой цепи островов. Этот подход предполагает развертывание более эффективных сил по всему региону с акцентом на модернизацию, диверсификацию и устойчивость. Недавно принятая Тихоокеанская инициатива сдерживания предлагает первоначальный план для этого. Военнослужащие США должны разрабатывать новые концепции деятельности по борьбе в условиях сильной конкуренции, включая новые способы проецирования силы из континентальных Соединенных Штатов в регион. Этот подход отражает использование сдерживания как наказанием, так и отрицанием, в зависимости от оспариваемого вопроса.
- Соединенные Штаты должны стремиться к более тесному горизонтальному военному сотрудничеству между союзниками и партнерами по безопасности США в Азии. Эти связи должны быть более сосредоточены на конкретных военных миссиях, таких как блокирование зоны в Южно-Китайском море. Такое взаимодействие должно включать как лучшее согласование между центрами (т. е. Соединенными Штатами с их нынешними союзниками и партнерами), так и более согласованное взаимодействие между ними (например, поощрение Японии и Вьетнама, Австралии и Индии, а также других объединений для более тесного сотрудничества). Развитие оборонного мандата четырехстороннего диалога по безопасности — стратегического форума США, Австралии, Индии и Японии — является хорошей отправной точкой. Такой тип подключения на базовом уровне снижает степень небезопасности союзников перед лицом принуждающих угроз Китая и, в более широком диапазоне, может усилить сдерживание. Подобные договоренности, в зависимости от их эволюции, также могут предоставить возможности для политических переговоров о расширении местоположений США в регионе, например, на Филиппинах. Вашингтон должен согласовать с европейскими союзниками свои интересы в области безопасности в регионе, возможно, путем разумного взаимодействия с развивающейся

трансатлантической структурой четырехстороннего диалога по безопасности: между Соединенными Штатами, Францией, Германией и Великобританией. Сдерживающая ценность этих шагов будет варьироваться, но, как минимум, они служат еще одним препятствием для усилий Китая по изоляции и наказанию стран за дипломатические разногласия.

- Ответственные за политику в США должны пересмотреть обязательства по обеспечению безопасности США, чтобы убедиться, что они заслуживают доверия в максимальной степени. При этом Вашингтону придется найти баланс между обнадеживающими союзниками и партнерами, а не провоцировать Пекин, который откажется от союзников из США. В первую очередь, этот обзор относится к союзникам США, которые подвергаются военизированному принуждению Китая в морских спорах. Например, США могут захотеть прояснить свои обязательства по отношению к Филиппинам. Во-вторых, Соединенные Штаты должны в частном порядке пересмотреть свою позицию в отношении безопасности Тайваня и возможных реакций на военные принуждения или агрессию, чтобы подготовиться к различным сценариям, таким как захват прибрежных островов. В-третьих, при обновлении и в некоторых случаях разъяснении характера своих обязательств Соединенные Штаты должны решить проблемы союзников относительно достоверности продленного сдерживания и условий, при которых обязательства США вступают в силу. Этот обзор следует увязать с дискуссиями о модернизации силовой структуры.

ДЕЙСТВИЯ США И КИТАЯ

Помимо политических действий в Азии вокруг Китая, Соединенные Штаты должны рассмотреть возможность осуществления различных действий в отношении прямой дипломатии с Китаем. Создание заслуживающей доверия и устойчивой политики конкурентного сосуществования, предотвращающей медленный дрейф к вооруженным конфликтам, требует целенаправленного подхода к взаимодействию с китайскими чиновниками.

- Соединенные Штаты и Китай должны возобновить диалоги высокого уровня, но не должны создавать высокоформализованные механизмы, такие как стратегический и экономический диалог администрации Обамы. Эти диалоги должны быть одними из ведущих дипломатических, экономических и военных советников обоих президентов. Учитывая свои внутренние ограничения и историю таких диалогов, Соединенные Штаты должны разумно подходить к их ценности и расставлять приоритеты в обсуждениях по вопросам безопасности, которые, скорее всего, приведут к кризису. В таких переговорах американские политики должны сосредоточиться на информировании об интересах, приоритетах, границах и возможных реакциях на действия со стороны Китая. Подобные разговоры, даже если качество обмена ограничено, помогут избежать неправильного расчета, ясно изложив точку зрения Пекина по деликатным вопросам. Среди основных вопросов, которые следует рассмотреть, — Корейский полуостров, Тайвань, Восточно-Китайское море и Южно-Китайское море.
- Военнослужащие США должны улучшить функционирование нынешней группировки СВМ и механизмов коммуникации в кризисной ситуации. Существующие СВМ полезны, если они недостаточно развиты и недостаточно используются, инструменты для предотвращения несчастных случаев; они оказывают давление на НОАК, чтобы быть более профессиональными в своих военно-воздушных и военно-морских операциях в участках боевых действий, но могут делать гораздо больше. Аналогичным образом, Соединенные Штаты должны использовать более надежные процедуры и каналы коммуникации с ведущими китайскими лидерами для управления кризисом, учитывая ограничения прошлых усилий и политической системы Китая. Политики США должны расширить такие дискуссии о разрешении конфликтов в военной сфере с акцента на Азии до более глобальных случаев. Политики США должны более последовательно использовать телефонные связи с китайскими лидерами, чтобы развивать привычки общения, которые снижают политические барьеры для общения с американской стороной в периоды повышенной напряженности или кризиса.
- Соединенным Штатам следует исследовать значимые области сотрудничества с Китаем, не забывая о прошлых ограничениях. Этот подход состоит из нескольких компонентов:

- Обе стороны должны согласовать практические и осязаемые *действия* обеих сторон, в отличие от параллельных утверждений, о распространенных проблемах и о том, как они могут их решить. Две наиболее очевидные возможности для сотрудничества сейчас — это изменение климата и пандемия. Точная повестка дня для значимых скоординированных действий должна быть четкой, и обе стороны должны согласовать эталонные показатели ответственности.
- Соединенным Штатам следует использовать растущие возможности Китая, чтобы заставить их прилагать больше усилий по общим транснациональным вопросам. В Азии это может включать содействие со стороны Китая в гуманитарной помощи и оказании помощи в странах, пострадавших от стихийных бедствий. США и Китай уже имеют опыт совместной работы над пандемическим ответом на основании их сотрудничества в отношении эпидемии лихорадки Эбола в Африке.
- Соединенные Штаты должны быть готовы противостоять усилиям Китая по привязке такого сотрудничества к спорным вопросам в отношениях с целью извлечения уступок из Соединенных Штатов.

Заключение

Как и в случае с прошлыми президентскими переходами, отношения между США и Китаем находятся в начале новой эры. Но на этот раз переход не наполнен оптимизмом и новыми возможностями. Команда Байдена начинает понимать значение широкого стратегического соперничества между Соединенными Штатами и Китаем. На самом деле, по многим показателям эта конкуренция будет гораздо труднее, чем холодная война. Пекин, по сравнению с Москвой, является более равным конкурентом; в то же время глубокая взаимозависимость между США и Китаем создает риски и уязвимости, которые будет трудно и дорого устранить. Политики США должны учитывать возрастающий риск вооруженного конфликта, поскольку конкуренция между США и Китаем становится еще более милитаризованной. Вопросы войны и мира скоро снова станут главными и центральными в глобальной политике, чего не было уже десятилетиями. Американским политикам нужен обновленный и более широкий набор инструментов для разработки стратегий и реагирования на вопросы политики, поскольку они сталкиваются с сочетанием стратегической конкуренции и глубокой экономической и технологической взаимозависимости с Китаем.

Об авторе

Эван С. Медейрос является профессором и - председателем семьи Пеннеров по азиатским исследованиям в Школе дипломатической службы Джорджтаунского университета. Он опубликовал несколько книг и статей, посвященных Восточной Азии, отношениям между США и Китаем, а также внешней и национальной политике безопасности Китая. Он регулярно консультирует и комментирует глобальные корпорации и международные СМИ в качестве старшего советника в Asia Group и ранее в качестве управляющего директора в Eurasia Group.

Медейрос шесть лет работал в составе Совета национальной безопасности в качестве директора в Китае, Тайване и Монголии, а затем в качестве специального помощника президента и старшего директора в Азии. На последней должности Медейрос был главным советником президента Барака Обамы по Азиатско-Тихоокеанскому региону и отвечал за координацию политики США в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона в области дипломатии, оборонной политики, экономической политики и разведки. До прихода в Белый дом Медейрос проработал семь лет в качестве старшего политолога в корпорации RAND. С 2007 по 2008 гг. он также занимал должность советника по вопросам политики секретаря Хэнка Полсона, работая над стратегическим экономическим диалогом между США и Китаем в Министерстве финансов США.

Медейрос является членом совета директоров Национального комитета по отношениям между США и Китаем, членом международного консультативного совета Центра геополитики Кембриджского университета и членом Совета по международным отношениям.

Медейрос получил степень бакалавра по аналитической философии в колледже Бейтса, степень магистра по специальности «Китайский колледж восточных и африканских наук» в Лондонском университете, степень магистра по международным отношениям в Кембриджском университете и степень доктора по международным отношениям в Лондонской школе экономики и политических наук.

СНОСКИ

- 1 . «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки», Белый дом, декабрь 2017 г., <http://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.
2. Курт М. Кэмпбелл и Джейк Салливан, «Конкуренция без катастрофы: Как Америка может бороться и сосуществовать с Китаем», *Международные отношения*, сентябрь/октябрь 2019 г., <http://foreignaffairs.com/articles/china/competition-with-china-without-catastrophe>.
3. Генри Киссинджер дал эти комментарии во время презентации на форуме Bloomberg New Economy Forum в Сингапуре в ноябре 2019 года. См. раздел «Киссинджер говорит, что отношения США с Китаем находятся «у подножия холодной войны», Bloomberg, 21 ноября 2019 г., <http://bloomberg.com/news/articles/2019-11-21/kissinger-says-u-s-and-china-in-foothills-of-a-cold-war>.
4. Майкл Дж. Мазарр, «Это не конкуренция великих держав: почему этот термин не отражает сегодняшнюю реальность», *Международные отношения*, 29 мая 2019 г., <http://foreignaffairs.com/articles/2019-05-29/not-great-power-competition>.
5. Кэтлин Хикс, интервью с Майклом Мазарром, Ориана Скайлар Мастро, Кристофер Пребл, и Кори Шак, «Отличное конкурентное преимущество», *Защита 2020* (подкаст), 15 января 2020 г., <http://csis.org/analysis/great-power-competition>; Майкл Мазар и Хал Брэндз, «Навигация по соперничеству великих держав в 21 веке», *Война на скалах*, 5 апреля, 2017 г., <http://warontherocks.com/2017/04/navigating-great-power-rivalry-in-the-21st-century>; Майкл Дж. Мазар, «Суть стратегической конкуренции с Китаем», *PRISM* 9, № 1 (2020): 3–22; Майкл Дж. Мазарр, Джонатан Блейк, Эбигейл Кейси, Тим Макдональд, Стефани Песард и Майкл Спиртас, *Понимание растущей эры международной конкуренции: Теоретические и исторические перспективы* (Santa Monica: RAND Corporation, 2018), <http://doi.org/10.7249/RR2726>.
6. Мазарр, «Это не конкуренция великих держав».
7. Мазарр, «Это не конкуренция великих держав».
8. Это взято из статьи Эвана С. Медейроса «Новая норма политики США в Китае?», *ChinaFile Conversation*, 16 октября 2020 г., <http://chinafile.com/conversation/new-normal-us-china-policy>; также см. Evan S. Medeiros, «Изменяющиеся основы отношений между США и Китаем», *Washington Quarterly* 42, № 3 (осень 2019 г.): 93–119, <http://doi.org/10.1080/0163660X.2019.1666355>.
9. Для получения исторически обоснованной информации об интересах США в Азии см. Майкл Дж. Грин, *By More Than Providence: Великая стратегия и американская власть в Азиатско-Тихоокеанском регионе с 1983 года* (Нью-Йорк: Columbia University Press, 2017).
10. Для примера этой дискуссии о задачах Китая и ответе США см. Майкл Д. Свайн, Эзра Ф. Вогель, Пол Хер, Дж. Стаплетон Рой, Рейчел Эсплин Оделл, Майк Мочизуки, Авери Голдштейн, Элис Миллер и Аарон Л. Фридберг, «Превосходство китайских ястребов: Агрессия — это неправильная реакция на Пекин», *Международные отношений*, 23 октября, 2020 г., <http://foreignaffairs.com/articles/china/2020-10-23/overreach-china-hawks>; также см. Пол Хир, «Переосмысление превосходства США в Восточной Азии», *Национальный интерес*, 8 января, 2019 г., <http://nationalinterest.org/blog/skeptics/rethinking-us-primacy-east-asia-40972> и Пол Хир, «Понимание стратегической конкуренции между США и Китаем» *Национальный интерес*, 20 октября 2020 г., <http://nationalinterest.org/feature/understanding-us-china-strategic-competition-171014>.
11. «Си Цзиньпин принял участие в 5-м саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СИСА) и выступил с важной речью», Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики, 15 июня, 2019 г., http://fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1673167.shtml; «Полный текст речи президента Си на открытии поясного и дорожного форума», *Новости Синхуа*, 14 мая, 2017 г., http://синхуанет.com/English/2017-05/14/c_136282982.htm (ГТМ); «Речь премьер-министра Государственного совета Китайской Народной Республики на 22 саммите Китая-АСЕАна» Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики, 4 ноября, 2019 г., http://пульверизация.голос.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1713324.shtml; «FM Wang Yi's Speech на 56 Мюнхенской конференции по безопасности», *Китай ежедневно*, 16 февраля, 2020 г., <http://chinadaily.com.cn/a/202002/16/WS5e490ce7a310128217277dc8.html>.
12. Ву Синбо, «Китайский вызов: Конкурент или трансформатор порядка?», *Washington Quarterly* 43, no.3 (Fall 2020): 99–114, <http://tandfonline.com/doi/full/10.1080/0163660X.2020.1813402>.
13. Для оценки китайских ученых по этим вопросам см.: Ву, «Китайский вызов» и Дэнхуа Чжан, «Концепция «Общества общей судьбы» в дипломатии Китая: определение, мотивы и последствия», *Asia & the Pacific Policy Studies* 5, no. 2 (2018): 196–207, <http://doi.org/10.1002/app5.231>.
14. По этому и связанным с ним вопросам см. Роберт О. Уорк и Грег Грант, *Победа над американцами в их собственной игре: Стратегия взаимозачета с китайскими характеристиками* (Washington, DC: Center for a New American Security, 2019), <http://cnas.org/publications/reports/beatng-the-americans-at-their-own-game>.
15. Майкл Грин и др., *Противодействие принуждению в морской Азии: Теория и практика сдерживания серой зоны* (Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, май 2017 г.), http://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170505_GreenM_CounteringCoercionAsia_Web.pdf.
16. Хороший обзор экономических различий между США и Китаем можно найти в работе Орвилл Шелле и Сюзан Л. Ширк, «Коррекция курса: На пути к эффективной и устойчивой политике Китая» (New York: Asia Society, февраль 2019 г.), http://asiasociety.org/sites/default/files/inline-files/CourseCorrection_FINAL_2.7.19_0.pdf.
17. Чтобы получить исчерпывающую оценку технологических проблем США и Китая, см. Питер Коухей, «Отвечая на вызов Китая: Новая американская стратегия по технологическому конкурентованию» (Сан-Диего, Калифорния: Школа глобальной

политики и стратегии UC San Diego School of Global Policy and Strategy, 2020), http://china.ucsd.edu/_files/meeting-the-china-challenge_2020_report.pdf.

18. Чтобы быть уверенными, американские ученые обсуждают, стремится ли Си просто к законному китайскому выбору или активно подрывает альтернативные модели управления. Об идеологической конкуренции между США и Китаем см. Elizabeth Economy, *The Third Revolution: Синь Цзиньпин и новое китайское государство* (Нью-Йорк: Oxford University Press, 2018) и Аарон Л. Фридберг, «Ответ на агрессию: «Как противостоять Пекину»» — *Международные отношения*, сентябрь/октябрь 2020 г., <http://foreignaffairs.com/articles/china/2020-08-11/ccp-answer-aggression>; по делу против, см. Джессике Чэнь Вайс, «Всемирная безопасность для автократии: рост и будущее глобальной политики Китая», июль/август 2019 г., <http://foreignaffairs.com/articles/china/2019-06-11/world-safe-autocracy>.

19. Подробное описание этих стимулов и сдерживающих факторов см. в материалах М. Тейлор Фрэвел и Ориана Скайлар Мастро «Онлайн-дебаты 4: В течение следующих пяти лет Китай будет использовать значительную военную силу против страны на периферии», Центр стратегических и международных исследований, 9 декабря 2020 г., <http://csis.org/events/online-event-chinas-power-debate-2020-debate-4>.

20. М. Тейлор Фрэвел, *Сильные границы, безопасная нация: Сотрудничество и конфликт в территориальных спорах Китая* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008); М. Тейлор Фрэвел, «Ограничения отклонения: переосмысление внутреннего и внешнего конфликта», *Исследования безопасности* 19, № 2 (май 2010 г.), <http://doi.org/10.1080/09636411003795731>.

21. По этому вопросу вы можете почитать Джона Калвера, «Незаконченная китайская гражданская война», переводчика из Института Лоуи, 30 сентября 2020 г., <http://lowyinstitute.org/the-interpreter/unfinished-chinese-civil-war>.

22. «Будущее политики США и Китая: Взгляды ведущих экспертов США, общественности США и союзников и партнеров США», Центр стратегических и международных исследований, октябрь 2020 г., <http://chinasurvey.csis.org>.

23. Уорк и Грант, *Победа над американцами в их собственной игре*; Михель А. Флуурной, «Как предотвратить войну в Азии: Эрозия американского сдерживания повышает риск китайских ошибок», *Международные отношения*, 18 июня 2020 г., <http://foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-18/how-prevent-war-asia>.

24. Чтобы быть уверенным, сфера действия оборонного договора между США и Филиппинами и, в частности, то, будет ли обязательство США охватывать все требования Филиппин в Южно-Китайском море остаются неоднозначными. Это вызвало некоторые споры о том, будет ли поддержка Филиппин США автоматической. Администрация Трампа пыталась устранить эту двусмысленность, разъяснив обязательства США, но остается ли что-либо неясным. См. Джейк Максвелл Уотс и Майкл Р. Гордон, «Помпео обещает защищать филиппинские силы в Южно-Китайском море», *Wall Street Journal*, 1 марта 2019 г., <http://wsj.com/articles/pompeo-pledges-to-defend-philippine-forces-in-south-china-sea-11551425469>.

25. Деметри Севастопуло, Джефф Дайер и Том Митчелл, «Обама вынудил Си отступить из-за спора о Южно-Китайском море», *Financial Times*, 12 июля 2016 г., <http://ft.com/content/c63264a4-47f1-11e6-8d68-72e9211e86ab>.

26. Различия между этими типами сдерживания см. в Майкле Дж. Мазар, «Понимание сдерживания» (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2018), <http://rand.org/pubs/perspectives/PE295.html>.

27. Пример такого подхода можно найти в Майкле Д. Свайне, Джессике Дж. Ли и Рейчел Эсплине Оделле, *в направлении инклюзивного и сбалансированного порядка в регионе: Новая стратегия США в Восточной Азии* (Вашингтон, округ Колумбия: Институт Квинси, январь 2021 г.).

28. Томас Дж. Кристенсен, «Формирование выбора восходящего Китая: недавние уроки для администрации Обамы», *Washington Quarterly* 32, № 3 (июль 2009 г.), <http://doi.org/10.1080/01636600903012323>.

29. Аналогичным образом, Соединенные Штаты и Китай достигли соглашения в 2014 г. о предварительном уведомлении о крупных военных учениях, однако оно никогда не было полностью реализовано. Китай решил интерпретировать соглашение как требование уведомления о важных положениях политики, таких как оборонные официальные документы, а не военные учения.

30. В основном, это связано с тем, что НОА является партийной армией и требует одобрения со стороны высшего руководства Центральной военной комиссии, чтобы поговорить с высокопоставленным иностранным чиновником.

31. Ву Синбо, *Управление кризисом и поддержание мира между Китаем и США* (Вашингтон, округ Колумбия: Институт мира США, 2008), http://usip.org/sites/default/files/2019-06/pw61_finalapr16.pdf. Дополнительная проблема военного кризиса — это вопрос связи сторон. Большинство американских наблюдателей согласны с тем, что между двумя сторонами нет эквивалентности. Министр обороны Китая является военным офицером четвертого ранга в Китае и не несет никаких оперативных обязанностей, но Китай настаивает на том, чтобы его министр соответствовал министру обороны США.